

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

ТАМ И ЗДЕСЬ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Там и здесь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26119027

Аннотация

«Да нечего себя обманывать: все слова уже сказаны. Всеми голосами, долетевшими «оттуда»; всеми, кто не потерял разума и совести – «здесь». Мы, с нашими единомышленниками, причисляем себя к последним. И нам остается только повторять, повторять, долбить одно и то же, возвращаться к своим же словам каждый раз, когда жизнь, грубым толчком, их подтверждает. Печальная, тяжелая работа! Самые грубые толчки – исцеляют ли они сумасшедших? А здесь, – кроме всех европейских правительств, потерявших разум (это было мною указано), – приближаются к полному клиническому помешательству и большинство эмигрантов...»

Зинаида Гиппиус

Там и здесь

*...Сказаны все слова.
Теплится жизнь едва.
Чаша была полна...
Вьтита ли до дна?
Есть ли у чаши дно?
Кровь ли пьем, иль вино?*

Да нечего себя обманывать: все слова уже сказаны. Всеми голосами, долетевшими «оттуда»; всеми, кто не потерял разума и совести – «здесь». Мы, с нашими единомышленниками, причисляем себя к последним. И нам остается только повторять, повторять, долбить одно и то же, возвращаться к своим же словам каждый раз, когда жизнь, грубым толчком, их подтверждает. Печальная, тяжелая работа! Самые грубые толчки – исцеляют ли они сумасшедших? А здесь, – кроме всех европейских правительств, потерявших разум (это было мною указано), – приближаются к полному клиническому помешательству и большинство эмигрантов.

Троцкие и Ленины, эти классические «долбители», никогда не устают. Правда, они поддерживают свои «слова» пушечными ядрами. У нас еще нет пушек. Но и для того, чтобы они у нас были, – мы должны не уставать. Нам нельзя

уставать.

В этом гигантском сумасшедшем доме, в Европе, не все же безумные. Безумные только на виду, впереди. Затеснили, разбросали здоровых. Надо выкинуть новое знамя, новый лозунг: люди всех стран, соединяйтесь! Живые, разумные всех стран, соединяйтесь!

Люди услышат. Остальных и не нужно.

Во имя этого будущего соединения «людей» мы и не должны уставать от слов. Для «людей», только для них, еще не оглохших к жизни, я повторяю слова моей статьи «Там в России», напечатанной *за неделю* до кронштадтского восстания (со всеми курсивами):

«...Внутреннее восстание совершенно необходимо, и *оно готово*. Но восстающим нужно на что-нибудь опираться. Населению нужна поддержка. И те, кто диктуют отсюда внутренние „восстания“, *только внутренние*, должны помнить, что они берут на себя бесплодно пролитую кровь еще нескольких тысяч русского народа...»

Посмотрите же, люди, на наших безумцев: те, которые «должны были помнить», что берут на себя, – и теперь, после Кронштадта, даже не чешутся¹. Да куда им помнить, раз они сами себя не помнят. Другие безумцы, при Кронштадте, бросились, «заголившись и обнажившись», поддерживать

¹ На днях, в разумной и ясной передовой статье «Тан» приводился ответ русского солдата относительно *только внутренних* восстаний: «Что ж поделаешь с голыми руками».

большевиков. Наши эмигранты, все время трепетавшие, как бы кто не помог России, не желавшие словесных трудов для отклонения этой помощи, в первую минуту опешили: большевикам помогают?! Но в следующую оправались: «что ж! Пускай. Лишь бы не России. Россия должна сама, одна... умереть или воскреснуть. И мы говорим, что когда *мы* сами, одни, восстанем, то *мы*...»

Особенно блистательно это «мы» отсюда, из Парижа, изпод зазеленевших каштанов, в то время как по толстому льду тянется до финляндского берега широкая кровавая дорога, след кронштадтцев....

Но я не виню никого. Люди, не упрекайте ни в чем безумцев: они невинны, они больны.

Кронштадт оставил после себя возбужденный словесный блуд у этих ненормальных. Никогда еще взаимная ругня, бесстыдная по теперешнему времени вещь – газетная полемика – не была в таком разгаре. Я уж не говорю о пражских «анти»-большевиках. Но посмотрите парижские «Последние Новости»: ведь там есть и настоящие антибольшевики. Там сидит, – когда-то, при царе, сдержаннейший, – П. Н. Милюков, этот, во время войны и святой февральской революции – убежденнейший антиреволюционер. Водитель «Речи», создатель несчастного «правого блока», – он с изумительной твердостью долго не признавал ни революции, ни республики, не мирясь с совершившимся фактом. Слава Богу, достаточно знал Петербург П. Н. Милюкова, он жил, как

в стакане. Все мы наблюдали за ним по часам. Дрожали, признаться, – и недаром, – когда он внезапно, в апреле, прежним голосом, ни с того ни с сего, заговорил о Константинополе. Известно ведь, что чуть свадьба – П. Н. Милюков непременно является с «кануном да ладаном», а если похороны – тот час же: «носить вам не переносить, таскать не перетаскать».

Теперь только это фатальное свойство одно, кажется, за ним и осталось. Всякий, знающий Милюкова, видит, что теперь – он в совершенно ненормальном состоянии.

Ненормально ли хотя бы поведение руководимой им газеты? Это задиранье, беспокойное полемическое приставанье то к «Рулю», то к «Общему Делу», то прямо к лицам? Эти неестественные попреки всех сплошь в «реакционстве», да еще с присвистом, с удалью какой-то? Точно, ей-Богу, огненный язык «новой» веры сошел на них, веры, что вот именно в «борьбе со всеми эмигрантскими газетами и обретешь ты право свое».

Печален также и ненормален, неразумен всеобщий спор о том, как относиться к лозунгу восставших – «за советы»?

Это – перемывание Кронштадт, косточек. Тут уж всем, больны или небольшие, надо бы постыдиться. Такой простой вещи, известной всем в России и всем, Россию не забывшим, нельзя не знать; совестно и признаваться в своем невежестве. О чем тут, в самом деле, спорить, есть ли даже о чем секунду думать? Возвращаюсь опять к той же своей статье, напечатанной до всяких кронштадтцев с их лозунгами:

«...Нас нисколько не смущало (в России) такое, по видимости, абсурдное положение: *народ за советы, но против коммуны...* Мы отлично понимаем, в чем дело. В понятии народном только свои „советы“ есть охрана *своей* земли и воли. Переведите на иностранный язык, подчеркнув определенное отрицание коммуны, вот и выйдет самый настоящий „демократизм“. И уж конечно, в этом желании „советов“ нет ничего утешительного для большевиков. Первый же такой „свой совет“ постановил бы их уничтожить».

Или, добавлю, только вынес бы вечное проклятие их памяти, так как собраться-то он мог бы лишь *после* их уничтожения.

Тяжелая душевная болезнь, захватившая верхи человеческого общества в Европе, – все расплзается. Она еще не коснулась Америки, но если процесс не будет остановлен, он перекинется и в Новый Свет. Правда, заболевают только правительства, только верхи. Заболевают отдельные группировки людей, отдельные личности. Но, поскольку они имеют власть и влияние, этот процесс, в длительности времени, все-таки страшен. И чем длительнее время – тем страшнее. Просто уж потому, что пока верхи разлагаются, медленно гибнут духовно, народы, ведомые безумцами, гибнут физически. Тут опять, грозный, встает вопрос – о времени, о сроке...

Но и вообще по-человечески, психологически, страшно наблюдать, как человек превращается во «что-то», изменяется на глазах. Должно быть, приближенные древнего царя

Навуходоносора, побежавшего вдруг на четвереньках, издыхали от ужаса.

Недавний вид Ллойд Джорджа, хохочущего и потрясающего «договорчиком с людоедами», т. е. зрелище когда-то приличного англичанина, вдруг содравшего с себя одежды и заплясавшего в хороводе с каннибалами вокруг ихнего костра, с гиканьем и топотом, – это зрелище не могло не поразить ужасом разумных и здоровых.

Но я повторяю, я утверждаю, я настаиваю: еще есть разумные и здоровые. Их больше, чем кажется с первого взгляда. Только люди, настоящие люди, разрознены, измучены, таятся по углам. Надо кликнуть клич. Вот когда надо не уставая, не отдыхая ни одного часа, кричать, вопить, звать тех, кто не потерял разума и облика человеческого: *Люди* всех стран, соединяйтесь!